

Этот рецепт — лишь заземленный парафраз алхимического космоса. Но также верно и то, что осмыслен этот космос в терминах технохимической эмпирии, упорядоченной при помощи соответствующих «химических» теорий. Космогоническая проблема остается, отодвигаясь в космическую даль; зато «химическое» ее подобие — перед нами и может быть принято за единственную реальность, сложенную из двух взаимосвязанных ее фрагментов: оперирование с веществом в конкретной препаративной ситуации, размышление по поводу вещества.

Понятно, что и оперирование с веществом, и размышление по его поводу — это как бы оперирование и как бы размышление; «как бы» потому, что алхимическое рукотворение — это космостворение. Но даль и глубина невидимы, зато хорошо видны близь и поверхность. Но чтобы понять подтекст, нужно изучить текст, «химический» текст, то есть то, что делал алхимик: какие вещества брал, каким образом их приуготовлял, с чем смешивал, как и где эти смеси обрабатывал. Это — с одной стороны. С другой — необходимо воспроизвести ход теоретико-химического мышления алхимика, что повелевает его руками, берущими *философскую ртуть* — свинец, нагревающими ее в тигле, превращающими ее в *массикот* (желтую окись свинца), или в *зеленого льва*. Алхимическая теория приказывает рукам подбавить жару, дабы *зеленый лев* превратился в *красного* — *красный сурик*. Послушливые руки хотят растворить его в *винном уксусе*, но это удастся лишь при нагревании. И тогда по выпаривании получаются кристаллы ацетата свинца. Рукам велено снова подогреть эти кристаллы. Тогда и получается то, что мы теперь бы назвали неперегранным ацетоном (*красно-бурая жидкость*), а на стенках реторты — мелкодисперсный свинец. Он-то и есть искомый *философский камень*. Именно с этого момента и начинается главный технологический процесс — *восходящая трансмутация металлов*.

Здесь я еще раз воспроизвел расшифровку рецепта *Рипли*, остановив Ваше внимание на вещественной стороне делания, отвлекшись на время от деяния.

Но возможно ли разделить опыт и теорию? Первое рекомендуемое действие двузначно: «*Возьми философской ртути...*». Забудем на минуту, что ртуть — одно из двух *родительских начал*. Допустим, что это только *свинец*. Но что за странный эпитет — «*философская*»? Вещество на глазах исчезает, превращаясь в эфемерный акцидентальный принцип, тут же, впрочем, уплотняющийся. Именно поэтому можно взять его и нагреть. Имя и вещь в ситуации рукотворных процедур, удваиваясь, раздваиваются.

И все-таки надо во имя анализа умные руки адепта на время лишить ума, а его овеществленный ум — опять-таки на время — лишить вещественного объекта.

Итак, что делал (руками делал!) алхимик и чем он при этом руководствовался?